Субстандартная лексика и сленг в русском языке

Bandov, Franka

Master's thesis / Diplomski rad

2017

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zadar / Sveučilište u Zadru**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:162:359354

Rights / Prava: In copyright / Zaštićeno autorskim pravom.

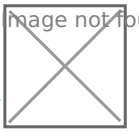
Download date / Datum preuzimanja: **2024-03-28**

Repository / Repozitorij:

University of Zadar Institutional Repository

Sveučilište u Zadru

Odjel za kroatistiku i slavistiku - Odsjek za ruski jezik i književnost

Sveučilišni diplomski studij ruskog jezika i književnosti; smjer: prevoditeljski (dvopredmetni)

Franka Bandov

Субстандартная лексика и сленг в русском языке

Diplomski rad

Zadar, 2017.

Odjel za kroatistiku i slavistiku - Odsjek za ruski jezik i književnost

Sveučilišni diplomski studij ruskog jezika i književnosti; smjer: prevoditeljski (dvopredmetni)

Субстандартная лексика и сленг в русском языке

Mentorica: izv. prof. dr. sc. Marina Radčenko

Studentica: Franka Bandov

Zadar, 2017.

Izjava o akademskoj čestitosti

Ja, **Franka Bandov,** ovime izjavljujem da je moj **diplomski** rad pod naslovom **Субстандартная лексика и сленг в русском языке** rezultat mojega vlastitog rada, da se temelji na mojim istraživanjima te da se oslanja na izvore i radove navedene u bilješkama i popisu literature. Ni jedan dio mojega rada nije napisan na nedopušten način, odnosno nije prepisan iz necitiranih radova i ne krši bilo čija autorska prava.

Izjavljujem da ni jedan dio ovoga rada nije iskorišten u kojem drugom radu pri bilo kojoj drugoj visokoškolskoj, znanstvenoj, obrazovnoj ili inoj ustanovi.

Sadržaj mojega rada u potpunosti odgovara sadržaju obranjenoga i nakon obrane uređenoga rada.

Zadar, 2017.

Содержание:

1. Введение .....**Error! Bookmark not defined.**

2. Что это такое „субстандартная лексика“ и „сленг“**Error! Bookmark not defined.**

2.1. Термин „сленг“ и проблемы его дефиниции**Error! Bookmark not defined.**

2.2. Подтипы сленга .....**Error! Bookmark not defined.**

2.2.1. Общий сленг.....**Error! Bookmark not defined.**

2.2.2. Молодежный сленг .....**Error! Bookmark not defined.**

2.3. Краткое историческое описание сленга **Error! Bookmark not defined.**

3. Важность и роль сленга.....**Error! Bookmark not defined.**

3.1. Сленг в повседневной жизни.....**Error! Bookmark not defined.**

3.2. Сленг в литературе .....**Error! Bookmark not defined.**

3.2.1. Сленг в произведениях Виктора Пелевина**Error! Bookmark not defined.**

3.3. Важность сленга для иностранцев, изучающих русский язык ... **Error! Bookmark not defined.**

4. Заключение.....**Error! Bookmark not defined.**

5. Библиография.....**Error! Bookmark not defined.**

6. Резюме: .....**Error! Bookmark not defined.**

7. Sažetak:.....**Error! Bookmark not defined.**

8. Summary:.....**Error! Bookmark not defined.**

1. Введение

Русский язык, как и большинство мировых языков, которыми активно пользуется глобальное общество (не только один народ / страна/ группа), постоянно изменяется. Судьба русского языка такова, что за последние двадцать-тридцать лет язык развивался (и еще развивается) с высокой скоростью. При таком быстром развитии большое количество единиц сниженного регистра неконтролируемо входит в литературный язык и язык изменяется под воздействием субстандартной лексики. Постоянное и быстрое появление новых слов, в том числе и сленговых единиц, является в соответствии с „прыгающим“ развитием жизни: практически каждую неделю появляются более или менее значимые явления, которые требуют названий. Очевидно, что язык изменяется прямо на наших глазах, и мы задаем себе вопрос, радоваться этим изменениям и принимать их как практичное языковое решение или бороться с ними и истреблять их из языка. Аргументы за и против – отрицательные и положительные стороны субстандартной лексики – составят основу этой работы.

Чтобы достичь цель данной работы, во-первых, уточним дефиниции и главные характеристики пластов субстандартной лексики вместе с их функциями, уделяя при этом особое внимание сленгу. Соответственно тому следует более подробное описание сленга: короткое историческое описание, препятствия, которые появляются при определении термина *сленг*, подтипы сленга. Во-вторых, после того как мы определим, что подразумевается под термином *сленг*, рассмотрим важность и роль сленга как в бытовой жизни, так и в литературе. Литературная важность и употребление будут показаны на примерах, взятых из сборника Виктора Пелевина – автора, известного тем, что пользуется сленгом в своих произведениях. Также, посмотрим какую роль играет русский сленг для иностранцев, изучающих русский язык.

В данной работе основное внимание будет уделяться лексике, а подход будет в основном социолингвистическим.

2. Что это такое „субстандартная лексика“ и „сленг“

Язык – это главный способ коммуникации и те, которые им пользуются, определяют условия пользования. Говорящие на данном языке сами влияют на формирование лексики, грамматики, фразеологии, синтаксиса и стилистики своего языка. Именно стилистика позволяет нам разделять язык на стандартный и нестандартный (субстандартный) пласт.

Чтобы установить, что представляет собой субстандартная лексика, надо, во-первых, определить стандартную лексику русского языка.

Стандартная лексика – это лексика, которая определена предписанным стандартом, нормой, правилами. Стандартный язык является межрегиональным языком всех слоев общества. Межрегиональность – его основная характеристика и основной мотив его существования. Именно этой характеристикой стандартный язык отличается от субстандартной лексики – он всем понятен. Так как стандартная лексика является языком всех слоев общества, она автоматически отличается от социолектов, принадлежающих отдельным слоям общества, а также от диалектов, которые являются региональными языками. К литературной (стандартной) лексике относятся книжные слова, стандартные разговорные слова и нейтральные слова. Литературная (стандартная) лексика, как говорит и само ее название, употребляется либо в литературе, либо в устной речи в официальной обстановке. Со временем многие из нестандартных лексических единиц переходят из субстандартного пласта языка в литературный пласт и становятся нормативными единицами и даже фиксируются в словарях.

Для нелитературной лексики характерна разговорность – эта лексика предназначена для неофициальной обстановки, в которой спонтанно рождается и

проходит разговор. Нелитературная лексика называется также субстандартной лексикой. *Субстандартная лексика* – это лексика, употребляющаяся только в ограниченных сферах, что значит, что она не является языком всех слоев общества. В субстандартную лексику входят жаргонизмы, профессионализмы, вульгаризмы, некоторые заимствования из иностранных языков и сленг. Используя их, люди показывают свою индивидуальность, т.е. принадлежность какой-то возрастной, социальной, статусной или профессиональной группе. Это значит, что субстандартная лексика играет важную роль как показатель социальной стратификации. Принадлежность человека той или иной группе влияет на то, как человек оценивает окружающую среду, к чему стремится и, в конце концов, на каком языке говорит. Субстандартная лексика является актуальной лингвистической темой в научных кругах, о чем свидетельствует увеличивающееся количество словарей субстандартной лексики. Причина постоянного развития и роста объема и интереса к субстандартной лексике заключается в том, что субстандартный язык – живая материя: активно используется и постоянно развивается. Популяризации субстандартной лексики в значительной степени способствует и интенсивная пропаганда: благодаря средствам массовой информации, слова нестандартной лексики знакомы всем. Чтобы понять субстандартную лексику и узнать ее значение, надо вникнуть в свойства и характеристики быта и деятельности ее носителей. Этот факт еще раз потверждает то, что для изучения субстандартной лексики необходим социолингвистический подход. Граница между стандартной и нестандартной лексикой тоже определяется по социокультурным правилам и факторам.

Субстандартную (нелитературную) лексику, как указано выше, можно разделить на жаргонизмы, профессионализмы, вульгаризмы, заимствования из иностранных языков и сленг. Чтобы лучше понять что такое сленг, надо во-первых отличать его от остальных видов субстандартной лексики, хотя границы между ними почти произвольны. Различные группы субстандартной лексики переплетаются:

1) Жаргонизмы – это слова, используемые группами людей, которых объединяют социальный статус или общие интересы. Главная норма жаргона – экономичность. Цель жаргона быть понятным только небольшой группе людей, которая таким способом отделяется от других. Смысл жаргонизмов для всех остальных носителей языка в теории непонятен и таен. Жаргон не должен быть „красивым“, а экспрессивным и специфичным. Но, именно в оттенках „красоты“ лежит разница между жаргоном и сленгом (если она вообще и существует, так как единственное, в чем лингвисты соглашаются, говоря о жаргоне и сленге, есть то, что не соглашаются – разница произвольна). Тема „красоты“ будет разработана далее в работе. Жаргон очень флексибильно изменяется, в жаргоне нет непрерывности. Также, нет чистоты языка, так как нет и норм;
2) Профессионализмы – это слова, употребляемые небольшими группами людей, которые объединяет определенная профессия;
3) Вульгаризмы – это грубые слова, обычно не употребляемые в обществе образованными людьми, потому что эти слова являются неэтичными. Вульгаризмы – это специальный лексикон, используемый людьми низшего социального статуса. Мат состоит из вульгаризмов и поэтому вульгаризмов почти не встретим в литературном языке, так как мат в литературном языке является неприемлимым;
4) Заимствования из иностранных языков входят в язык как результат контакта, взаимоотношений народов и государств, взаимоотношений профессиональных сообществ. Необходимость заимствовать лексические единицы из иностранных языков появляется, когда в лексике языка-рецептора отсутствует соответствующее понятие. Таким образом увеличивается выбор и доступность выразительных средств в русском языке.
5) Сленг.

По моему мнению, жаргон и заимствования из иностранных языков – это гиперонимы, которые подразделяются на профессионализмы и сленг, а гипонимами сленга, в этом отношении, являются вульгаризмы, мат, ругательства

(некоторые ученые в эту классификацию еще включают и просторечие). Термины „жаргон“ и „сленг“ очень часто считаются синонимами, как в научных работах, так и в словарях субстандартной лексики. Недостаток четких границ между этими пластами субстандартной лексики – вопрос, который все еще остается открытым в современной лингвистике. Ученые не могут прийти к согласию между собой, потому что эти границы все они понимают по-разному. Необходимо создать теорию, которая объединила бы все эти отдельные определения.

2.1. Термин „сленг“ и проблемы его дефиниции

В лингвистике до сих пор нет четкого определения понятия „сленг“. Уже было упомянуто, что лингвисты и языковеды еще не дали четкого терминологического определения и описания данного явления. Сленг – это группа определенных слов или новых значений уже существующих слов, которыми пользуются определенные группы людей. Эти группы людей различаются по возрасту, общественной принадлежности, профессиональной деятельности, интересам, месту жительства и так далее.

Сленг присутствует преимущественно в устной речи: включает в себя стилистически сниженную, грубую, часто иронически окрашенную лексику, мат, ругательства и т.п. Сленговую лексику мы узнаем по яркому эмоциональному и экспрессивному впечатлению, которое она производит. Сленг проникает во многие сферы языка и выполняет роль создания яркой экспрессии, как в повседневном языковом общении, так и в литературе, кино, музыке, театре. Словарный состав сленга постоянно обновляется, переосмысляя и расширяя значения общеязыковых единиц.

Сленг принадлежит к субстандартной лексике, потому что слова, которые характеризуются как сленг, нарушают нормы литературного языка. Хотя сленг и принадлежит к субстандартной лексике и считается противопоставленным литературному языку, не является необычным переход слова из категории сленга в литературный язык. Все-таки сленг обычно не подразумевает строгих

формальных норм и правил, потому что правила ограничивают развитие разговора и разговорной речи – подчеркивается неформальная характеристика сленга.

Этимология слова сленг (англ. *slang*) ожидаемо подводит нас к английскому языку, потому что и на само изучение сленга повлияла в большей части англоязычная культура. Понятие „сленг“ очень близко связано с остальными видами субстандартной лексики, такими как: „разговорная речь“, „жаргонизм“, „просторечие“, „вульгаризм“, „диалектизм“. „Необходимо отметить, что некоторые ученые жаргонизмы относят к сленгу, таким образом не выделяя их как самостоятельную группу, и сленг определяют как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами“ (Поспелова, 2017). Моя отправная точка при разделении этих терминов то, что считаю „жаргон“ и „заимствования из иностранных языков“ гиперонимами. Сленг является частью жаргонных слов, но слов, в которых „красота“ отсутствует в большей части, чем у „обычных“ жаргонных единиц. Как уже было упомянуто, сленг является гиперонимом мата, ругательств. Именно такой иерархией я бы создала границу между жаргоном и сленгом, хотя эта граница опять не четкая, так как „силу“ и „красоту“ слов каждый определяет и чувствует субъективно. Отсутствие единого подхода в терминологической определенности сленга, жаргона, но и остальных пластов лексики, которая выполняет социально-оценочную роль, усложняет изучение данных явлений. Сленг „сильнее“ жаргона, а „слабее“ вульгаризмов и мата. Сленгом также пользуется в большинстве случаев экономически нижний социальный слой, а жаргоном, по дефиниции, не обязательно. Сленг также надо отличать и от других пластов субстандартной лексики. Например, разница между сленгом и профессионализмами та, что сленг может объединять людей несмотря на профессию или уровень образования. Разница между сленгом и диалектом та, что у людей, которые говорят на одном и том же диалекте, делят и общее мировоззрение, отражением которого являются специальные слова, т.е. диалектизмы. Люди, говорящие на одном и том же сленге, не обязательно знакомы с одним и тем же культурным фоном.

У языковедов есть разные точки зрения, когда речь идет о сленге. Языковеды, прежде всего, не могут согласиться об объеме понятия «сленг». Вопрос заключается в том, надо ли сленгом считать лишь слова, которые служат как выразительные и экспрессивные эквиваленты литературных слов и/или включать все нестандартные слова. Некоторые лингвисты отрицают существование сленга как отдельного понятия на основе его неопределенности, приравнивая его к жаргону (И.Р.Гальперин, Эрик Партридж). Другие, наоборот, утверждают, что значение сленга с годами раширилось и сейчас включает в себя остальные пласты нестандартной лексики (Ч. Фриз, Т. В. Мизюрина, Т. Ю. Поспелова, Дж. Б. Гриноу, И. В. Калита, Н. О. Орлова, Джонатан Лайтер, Майкл Адамс). Это многообразие в интерпретации свидетельствует о нерешенности многих проблем в области субстандартной лексики. Дефиниции существуют, но главную проблему представляет отсутствие единства и однозначности этих дефиниций и нечеткие функции нестандартных лексических единиц, как в повседневной коммуникации, так и в литературе. Создание четких дефиниций усложняет и тот факт, что при определении каждого из пластов субстандартной лексики смешиваются одни и те же параметры: где слова употребляются, кто их употребляет, почему, с какой целью, как они формируются и развиваются и т.д.

В словаре О.С.Ахмановой даны две дефиниции термина „сленг“:

1. „Разговорный вариант профессиональной речи“.

2. „Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску“ (Ахманова 1966: 748).

В современных словарях втречается как минимум два основных толкования понятия «сленг» – обязательно как лексика широкого употребления для неформального общения, а потом и как речь, которой пользуются субкультуры и подгруппы общества. Большинство слов русского сленга сначала были созданы и употреблялись только в группах, которые и решили пользоваться ими, чтобы

отражать цели этих групп, но затем стали общеупотребительными или, по меньшей мере, общеузнаваемыми. Общественные группы современного культурного и исторического времени представляют собой подвижную и более-менее открытую систему. Это означает, что они включают в себя множества субкультурных направлений (профессиональных, территориальных, статусных и т.д.). Каждое из этих направлений обладает собственным и специфическим для данного направления сленгом. При этом, как уже отмечено, надо подчеркнуть, что субкультуры в настоящее время не настолько замкнутые и изолированные общества, так что любой человек сразу, даже незаметно, одновременно принадлежит к нескольким субкультурам и использует язык этих субкультур. Субкультурные языки, т.е. сленг, перестают быть понятными только членам определенного культурного общества и не являются больше закрытыми, а проникают в литературный язык и взаимодействуют с ним, либо обогащая, либо засоряя его. Несмотря на их переход из употребления в группах в общее употребление, они не теряют свои специфичные свойства и сохраняют эмоционально-оценочный характер. „Так, в понимании О. Есперсена (1925), сленг представляет собой форму речи, «которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом» [11. С. 149]. Сленг является результатом свойственного человечеству «желания позабавиться» [11. С. 151]“ (цитируется по Мизюрина 2013: 108).

Выше было указано, что сленг присутствует преимущественно в устной речи. В устной речи можно выделить несколько уровней, из которых создан каждый живой язык. Есть уровень общеупотребляемых разговорных слов и выражений, которые понимает, принимает и которыми пользуется большинство носителей языка, независимо от места их проживания. Значение слов общеупотребительного уровня понятно всем, поэтому не возникают трудности, когда слова, принадлежащие тому уровню, надо объяснить, написать или произнести (правописание и произношение можно также найти в словарях). Именно этот языковой уровень считается „неформальным“ формальным языком. Иностранец, который правильно пользуется словами этого уровня, может услышать комплимент, что он очень хорошо говорит, например, по-русски.

Есть разговорный уровень, который используется в непринужденном разговоре для передачи какой-либо информации, но не подходит для деловой переписки или вежливой и формальной беседы и коммуникации. В отличие от сленга, слова, составляющие разговорный уровень, понятны всем и используются, в теории, всеми носителями определенного языка. Использование сленга сразу указывает на принадлежность какой-то определенной группе, а когда говорящий использует слова, принадлежащие разговорному уровню, он не указывает ни на что специально, а просто информирует собеседника.

И есть уровень сленга, главной характеристикой которого является то, что он не должен быть понятен всем. Опять можно подчеркнуть, что, по моему мнению, жаргон больше принадлежит просто разговорному уровню, в то время как сленг считается отдельным уровнем разговорного языка.

2.2. Подтипы сленга

Так как существуют разные типы субстандартной лексики, существуют и разные типы и подтипы сленга в русском языке: армейский, компьютерный (игровой, сетовой), молодежный, сленг наркоманов, сленг футбольных хулиганов, уголовный (воровской) сленг, феня. Надо сказать, что выделить ту или иную разновидность сленга в чистом виде чрезвычайно сложно. Причина заключается в том, что слова одной социальной группы заимствуются другой. Например, слово *тусовка* заимствовано из воровского уголовного сленга в молодежный сленг, в котором из значения *собрание воров* приобрело значение *вечеринка*. Мы остановимся только на двух самых главных подтипах сленга: общий и молодежный сленг.

2.2.1. Общий сленг

Лингвисты среди сленговых слов выделяют те, которые можно назвать „*общим сленгом*“: „... Разделение сленга на общий и специальный первоначально

применялось только специалистами романо-германской филологии [Мороховский 91, 113–115], однако благодаря популярности самого термина „сленг“ в современной русистике, подобное размежевание стало использоваться и по отношению к русскому языку“ (Букалов 2006: 2). Слова и фразы, принадлежащие общему сленгу не ограничены определенными социальными рамками (возраст, профессия, уровень образования, общие интересы и другое). Слова и фразеологизмы, принадлежащие к общему сленгу, тоже являются нестандартными лексико-фразеологическими единицами, но их не употребляют только люди в определенных группах, а начинают употреблять и широкие массы людей, которые обычно пользуются общелитературным языком. Все эти разговорные слова из „закрытого“ сленга, попадая в речь образованного человека, становятся частью общего сленга. Следовательно, они приобретают определённую стилистическую, оценочную и экспрессивную важность и роль. При этом собеседники воспринимают и понимают лексические единицы общего сленга как эквиваленты литературных слов с какой-то ролью. В русском языке это такие слова, как, например: *достать* (кого-либо), *задолбать* (кого-либо), *прикольный*, *тусовка*, *фигня*, *крутой*.

По словам известного исследователя сленга Алексея Букалова, определение общего сленга следующее:

> „Особый лексико-фразеологический слой, состоящий из слов и фразеологических единиц, заимствованных из специального сленга, жаргона, арго, просторечия и других социальных диалектов, единицы которых, покидая первоначально узкую сферу своего употреблении и распространяясь в устной разговорной речи, медийном дискурсе и литературе, становятся понятными для широкого круга носителей русского языка независимо от возраста, профессии, образования и социального статуса и употребляются ими в ситуации непринужденного общения или для создания такой ситуации“ (Букалов 2006: 167).

Но, как в своей статье и указывает А.С. Букалов, несмотря на большой интерес и количество работ, касающихся и посвященных общему сленгу, некоторые аспекты изучения общего сленга остаются открытыми для исследования. Надо уточнить и определить сущность самого понятия „общий сленг“ чтобы не путать это понятие не только с остальными подтипами сленга, но и с пластами субстандартной лексики, больше всего с жаргоном.

Букалов в своей статье пишет о проблематике определения лексических единиц, которые включаются в состав общего сленга. Проблема не возникает при определении „специального“ сленга – это то, что не „общий“ сленг, т.е. это „социально обусловенная разновидность речи, обладающая "функцией конспиративной коммуникации" [Хомяков 1980, 43–44]“ (Букалов 2006: 2). Проблемы появляются, когда мы пытаемся определить „общий“ сленг, так как это отправная точка, основа, которая должна быть четко определена, чтобы все, что на нее опирается или от нее отличается, было ясным. Как уже было упомянуто, нет точного терминологического определения, граница между общим сленгом и остальными видами сленга не является четкой, также как не определена и точная граница между сленгом и литературным стандартом.

В общий сленг могут переходить разные лексические единицы путем заимствования, при этом не только заимствования из иностранных языков, но в значительной степени и из остальных пластов субстандартной лексики, например, из профессиональных жаргонов (в этом состоит и разница между жаргоном и сленгом, так как реже единицы из общего сленга заимствуются в профессиональный жаргон), из тюремного, воровского сленга и сленга криминальных группировок, из сленга наркоманов, проституток, представителей сексуальных меньшинств и других асоциальных группировок, из молодёжного сленга, а еще и слова литературного языка и метафоричные значения литературных слов.

2.2.2. Молодежный сленг

В молодежном сленге исследователи занимаются словами, используемыми молодыми людьми с 14-15 до 24-25 лет, оттуда и номинация этой разновидности сленга. Молодежный сленг указывает на принадлежность определенной возрастной группе, он не всем понятен и помогает подчеркнуть противопоставление молодых людей миру и правилам старших.

Молодежь находится в таком социальном положении, что общество считает их уже не детьми, но еще не взрослыми. Такое положение приводит к изоляции и формированию молодежных субкультур. В этих закрытых обществах молодежь самореализируется и выполняет желаемые роли, а в этом им помогает их особенный язык, т.е. сленг. С помощью сленга молодежь передает информацию дальше в виде слов, смысл которых только им понятен. Молодежным сленгом можно описать почти всякую область жизни и ситуацию, в которой молодой человек может оказаться. В таких ситуациях использование сленга выражает эмоциональное отношение к ситуации или предмету разговора. Сленг представляет собой синоним словотворчества, языковой игры, а сленговые слова часто вызывают комический эффект, ощущение игры. Молодые люди так часто пользуются сленгом, потому что им важно не только «что сказать», но и «как сказать», им важно произвести на других впечатление интересного рассказчика. Молодежь формирует свой язык (сленг), чтобы преодолеть запреты, поставленные официальными нормами. Они создают оригинальные, яркие, шутливые, более точные и им удобные средства выражения мыслей и чувств. Русский молодежный сленг не определяется только возрастом, но и социальными факторами, на него влияет время, а в большой мере и фактор пространства. Молодежный сленг чаще возникает в городе, а потом им начинают пользоваться и остальные жители страны. Иногда, но редко, молодежный сленг распространяется в обратном направлении. Как говорит Поспелова: „Молодежный сленг попадает в городской фольклор“ (Поспелова, 2017).

Так как молодежный сленг принадлежит к нестандартному пласту языка, он является некодифицированной формой лексики, им не управляют нормы и правила. Именно поэтому изучается только особая лексика, составляющая основу сленга, а грамматика применяется по правилам литературного русского языка. Русский молодежный сленг является самой продуктивной разновидностью сленга в нынешнее время. В молодежном сленге быстро появляются новые слова, так как молодежь является самой стремительно развивающейся возрастной категорией. Это оказалось очень точным в настоящее время, когда сленг является совершенным решением языка, который пытается поймать большой приток информации. Наблюдая формирование лексики молодежного сленга, можно легко

сделать вывод, что это на самом деле самая продуктивная разновидность сленга в русском языке, но и не только в русском языке.

Перечислим самые главные способы формирования лексики молодежного сленга:

1. Иноязычные заимствования (почти исключительно англоязычные заимствования) : *герла* – „девушка“, *пэренты* – „родители“, *митинг* – „встреча“, *спич* – „разговор“, *месседж* – „сообщение“. Молодежь активно и постоянно включает англицизмы в свою речь. Больше чем через школу и уроки английского языка, молодежь встречается с англицизмами и осваивает их через телевидение, музыку, компьютерные игры, интернет. А. И. Дьяков в своей статье приводит следующие примеры англицизмов: „*Спайдермэн, Бэтмэн, Сейлормун, Такседо Маск, Робокоп, Терминатор*; „Играл в *Мортал Комбат*“ (Mortal Combat – смертельный 163 бой) или „*Блад*“ – убойный картридж (*blood* – кровь)“. Использование сленга, как уже было сказано, указывает на принадлежность какой-то группе или, в случае, например, игроков компьютерных игр, на принадлежность к занятию и профессии, интеллектуальному кругу и свидетельствует об осведомленности игрока (*квест* (*quest* – поиск), *файтинг* (*fighting* – сражение). Слабые и новые игроки называются *ламерами* (от англ. *lame* – хромой). „Все эти слова грамматически приспосабливаются к системе русского языка, функционируют как номинанты и корпоративные маркеры“ (Дьяков 2001: 163). Важным источником проникновения англицизмов в словарный запас школьников являются и уроки английского языка. Слова, которые школьники в начале изучения английского языка употребляют, не сложные и поэтому легко запоминаемые. Школьники их легко произносят, но юмористично и ради шутки, смеха и забавы используют по образу русской грамматики: „Пойду, *послипаю* (посплю)“,

„Как дам *фейсом* об *тэйбл*!“, „Где ты *тикит* (билет) достал?“, „Пока, я решил *гоу хоум* (пойти домой)“, „Ну, я почапал до *хауза* - до дома)“ (Дьяков 2001: 164). Дьяков сгруппировал молодежные сленговые англицизмы по предметно-тематическим группам:

a) „Молодежная вечеринка (*флет*, *пати*, *безник*, *найт-клубы*, *дринкать*, *дринчить*, *надринькаться*, *дринкач*, *дринкер*, *алкмэн*, *смок-смочить*, *найт*, *лукнуть*, *полукать*, *факать*, *фачить*)“,

b) „Названия лиц (*пипл-пиплы*, *пипленок*, *бэбенок*, *бэбик*, *бебс*, *бой*, *гай*, *герл*, *мэн*, *вумэн*, *бой-фрэнд*, *гел-фрэнд*, *бой-гел*, *герлушка*, *байкеры*, *панки*, *рейверы*, *рейперы*, *скинхеды* (*скины*), *драгдилеры*)“,

c) „Название одежды и личных вещей (*фэшин* (мода), *фрик* (англ.freak – уродец), *бра* (brassire – бюстгальтер), *тренч-коут*, *шузы*, *чик-файер* (зажигалка), *найф* (нож), *бук* (книга), *хаза* (дом), *ботла* (бутылка), *глас* (стакан))“ (Дьяков 2001: 166-172).

2. При формировании сленговых единиц часто испольуетса словопроизводство, чаще всего аффиксация (способ образования слов с помощью аффиксов, т.е. присоединение аффиксов к корню или основе слова): *приколоться* – „обращать внимание, цепляться, насмехаться, увлекаться“; *прикол* – „то, над чем можно насмехаться, чем можно увлечься“; *приколист, прикольщик* – „тот, кто любит придираться, шутить над кем-либо“; *прикольный* – „забавный, интересный“; *прикольно* – „весело, оригинально“.
3. Метафорика : *заголяк* – „полное отсутствие чего-либо“, *гасить* – „убить“, *баскетболист* – „человек маленького роста“.

Доля следующих способов формирования менее значительна: заимствование блатных арготизмов, развитие полисемии, антономазия, синонимическая или антонимическая деривация, усечение корней (апокопа), сложение корней, телескопия, универбизация (стяжение), аббревиация, замена слова паронимом (так называемая фонетическая мимикрия), каламбурная подстановка, метатеза (перестановка звуков или слогов), эпентеза (вставка звука или слога), упрощение.

Однако, так как быстро входят в язык, сленговые выражения и слова часто не остаются постоянными, старые слова меньше употребляются, а им на смену приходят новые. „Идет процесс смены поколений, и те слова, которые казались модными и смешными пять-семь лет назад, сейчас выглядят устаревшими. Меняются мода, тенденции в обществе, некоторые слова просто надоедают“ (Поспелова, 2017). Именно из-за кратковременности использования и социо-культурных границ, которые все-таки ограничивают употребление сленга, молодежный сленг находится на периферии русского языка.

Русский молодежный сленг по многим своим характеристикам похож на арго. *Арго* – это язык какой-либо социально замкнутой группы лиц, которые члены той группы выработали, чтобы тот язык служил тайной коммуникации. Поспелова перечисляет особенности, сближающие молодежный сленг и арго:

1. „депрециативность, т.е. сленг, как и арго, весьма критически относится ко всему, что связано с государством, точнее государственными и политическими делами, „с давлением государственной машины“. Сленг противопоставляется официальной системе и действует как оружие против идеологии,
2. метафоричность, „языковое творчество“,
3. доминирование репрезентативной, а не коммуникативной и, тем более – не криптолалической функции – слова, принадлежащие молодежному сленгу, содержат коммуницируемый комплекс идей (не только одно переводное значение), известный всем членам референтной группы, всем участникам диалога,
4. людическая функция – „Если людическая функция свойственна человеку вообще, то молодому человеку она свойственна тем более…“ “(Поспелова, 2017).

Но, не следует путать жаргон, сленг и арго. Именно тот факт, что арго понимают только члены внутри некоторой ограниченной группы людей, отличает его от сленга, предназначенного для все-таки более широкого понимания и

употребления, а, с другой стороны, и от жаргона, так как жаргон, хотя и ограничен определенной лексикой, не специально ограничен на ту или иную группу людей. Молодежный сленг отличается от остальных видов сленга тремя характеристиками: во-первых, конечно, как и сама номинация указывает, им пользуются в основном молодые люди, люди одного возрастного класса; во-вторых, сленговые названия основываются на реалиях мира молодых, отделяют его от всего остального и таким образом, без предварительных объяснений, понимают его в большинстве случаев только члены той возрастной группы; в-третьих, он содержит и немалое число вульгарных слов.

Одно из явлений, не редких в молодежном сленге – вульгарность. В молодежном сленге слово имеет множество подтекстов, а они часто бывают вульгарными. Это свойство позволяет использовать молодежный сленг только в неформальном общении знакомых людей, равных друг с другом. Из-за этих строгих границ уместности и адекватности, употребление сленга в СМИ должно быть как-то „оправдано“, но даже если оправдано, вызывает реакцию у людей. Некоторые люди привыкли, что газета является серьезным средством информирования, пользующейся формальным стилем и языком, так что они неодобрительно воспринимают эту тенденцию. С другой стороны, молодежь, которая видит на телеэкране и в прессе „свои“ знакомые слова, испытывают приятные ощущения и чувствуют себя частью происходящих событий.

2.2. Краткое историческое описание сленга

Скорость общественного развития увеличилась в последние годы, что привело и к ускоренному развитию языка. Изменения, происходящие как в мире, так и на территории России, коснулись и условий употребления русского языка. На русский язык повлияло то, что всегда вызывало изменения в любом языке, точнее, в лексике языка – появление новых типов дискурса. Общение человека, живущего

в семидесятых годах, с человеком, живущим в девяностых годах в России, закончилось бы вероятно недопониманием из-за новых дискурсов, которые появились вместе с новыми явлениями. Самое заметное изменение в языке, которое привело бы к коммуникативному провалу – появление огромного количества новых слов (либо слов, принадлежащих сленгу, жаргону, либо неологизмов, либо слов, вошедших в язык путем заимствования), а также и исчезновение некоторых слов и значений. Социальные трансформации и изменения в обществе чрезвычайно влияют на развитие языка.

Очевидно, в двадцатом веке „над русским языком был проведен потрясающий по масштабам и результатам социолингвистический эксперимент“ (Поспелова, 2017). Как Поспелова объясняет в своей статье, в российском обществе в двадцатом веке произошли два крупных социальных события (революция и перестройка), которые коснулись не только жизни народа, структуры общества, но и структуры языка, которым этот народ пользуется. Она указывает и на то, какое большое влияние оказала на этот процесс власть, принимая во внимание, что язык был ее мощным орудием (Поспелова, 2017).

С начала двадцатого века отмечены три волны в развитии сленга. Первая волна случилась в 20-е годы XX в., во время революции и гражданской войны, которые разрушили тогдашнюю структуру российского общества. Из-за этих внезапных перемен старое общество оказалось разрушенным, а будущее непредсказуемым. Это, в частности, вызвало резкое увеличение количества беспризорников. Как следствие, в речь россиян пришли многие блатные слова. Вторая волна произошла в 50-е годы XX в., когда улицы городов были переполнены „стилягами“. Снова, их влияние коснулось не только стиля жизни, но и стиля речи. Третья волна молодежного сленга пришла в 70-80-х гг. XX в., когда в мире происходили бурные события и когда люди боролись против режима и показывали свое неудовольствие нынешней ситуацией и сопротивление политическому режиму. Самая заметная и влиятельная такая группа были „хиппи“. Они сформировали свой сленг, которым показывали независимость и сопротивление идеологии (в России это была советская идеология).

Язык революционной эпохи тщательно и подробно описан русскими и западными славистами, особенно в конце 80-х и в 90-х годах. Послереволюционное время и первые годы советской власти характеризуются как время лингвистической либерализации, нестабильности и изменений в языке старой социальной структуры. Лунде и Роесен описывают эту ситуацию как ситуацию „языкового вопроса“, которая „пронизывала все сферы социальной, культурной и политической жизни“ (Лунде и Роесен 2006: 7). В советское время язык служил инструментом манипулирования людьми и поэтому был бюрократизирован, малопонятен и был часто цензурирован. В постсоветское время растет уровень безграмотности, нормы, регулирующие язык, становятся менее важными, даже отсутствуют, и к тому еще нужно добавить, что приходит новая волна англицизмов из вездесущего английского языка.

Т.Ю. Поспелова в своей статье тоже разделяет развитие русского языка на эпохи, связанные с историей русского общества. Вначале автор описывает русский язык в советскую эпоху. Русский язык в советскую эпоху автор сравнивает с оруэлловским *новоязом* (Поспелова, 2017). Новоя́з (англ. Newspeak) — язык вымышленный и использований Джорджем Оруэллом в романе *1984*. В романе новоязом называется язык тоталитарного общества, им пользуются протагонисты, которые живут в этом обществе, язык их загрязнен идеологией и переполнен партийными и бюрократическими лексемами, а слова теряют свой первоначальный смысл и означают нечто противоположное (например, *война* – это *мир*). Соответственно роману, язык, который используется в основном в такой же цели называется новояз. „Новояз [англ. newspeak < new – новый + speak – говорить] – официальный или полуофициальный стиль письменной или устной речи, который чаще по идеологическим соображениям скрывает либо маскирует внутреннее содержание“ (Комлев 2006:351) (термин „новояз“ пользуется также когда речь идет о каких-либо новых тенденциях и новых словах в языке вообще). Из самой дефиниции видно, что устройство новояза было определено его предназначением. Поспелова различает советский новояз по типам: „Сталинский и брежневский новоязы значительно различаются между собой. Во многом языковые различия определяются функциями языка и задачами «пользователя»,

то есть власти. На смену прямому обману и промыванию мозгов пришли ритуал и забалтывание“ (Поспелова, 2017). Параллельно с „укреплением советского новояза“ повышается употребление русского мата, который в русском языке долго был табу. Поспелова объясняет положение мата в СССР, сравнивая его с „антихристианскими“ обрядми, так вот матом пользовались не все, не везде и не всегда: „Матерились в специальное время и в специальных местах. Например, в бане (такое особое нехристианское место)“ (Поспелова, 2017). Мат, существовавший параллельно с официальной религией – коммунизмом, – был символом неофициальности, свободы, видом языковой экспрессии.

М.Т. Дьячок в статье о просторечии пишет, что в советское время более существенными были „не лингвистические, а политические соображения“ (Дьячок, 2017). Сленг, как и просторечие, не единая система, и таким образом не подходит одной из основных характеристик социалистической идеологии – единстве. В дополнение к упомянутому, В.В. Виноградов пишет о преимуществах литературного языка в советскую эпоху: „Только в эпоху существования развитых национальных языков… литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной национальной нормы“ (цитируется по: Дьячок, 2017). Дьячок в статье подытожил реальное положение русского языка во время советской власти:

> „Существует единый русский язык, часто отождествляемый с русским литературным языком (фактически – с языком печатной литературы второй половины XIX - начала XX вв.), за его пределами находятся стилистически сниженные слова (разговорные и просторечные), а также диалектизмы, т.е. слова, распространенные в отдельных районах распространения русского языка, причем две последние группы слов находятся в стадии постепенного исчезновения. В действительности же эта, казалось бы, стройная схема, как выяснилось, не имела почти ничего общего с реальным положением дел“ (Дьячок, 2017).

На примере тюремно-лагерного сленга видно, как бывало такое, что идеология помогала развитию сленга. В тоталитарном государстве идеология делала этот

сленг привлекательным для всех, кого не устраивала советская система. Кроме того, сохранение тюремно-лагерного сленга было естественным процессом в стране, в которой в течение многих лет существовали концлагеря и люди постоянно сталкивались с тюремным бытом.

После советского времени приходит Горбачев и перестройка, которая изменила русский язык и особенности его употребления. Разные формы языка и сферы их использования смешались и между ними исчезли строгие границы. Поспелова как пример приводит публичную речь М.С. Горбачева или В.Н. Ельцина, в которой сочетались элементы литературного языка, просторечия и новояза. Она также сравнивает публичную речь М.С. Горбачева и В.Н. Ельцина с речью Л.И. Брежнева и подчеркивает, что нельзя говорить, что М.С. Горбачев и В.Н. Ельцин безграмотнее Л.И. Брежнева, потому что „они говорят, а тот читал“ (Поспелова, 2017). В общем, публичная речь (газета, телевидение, политические выступления) постсоветского времени становится более естественной и спонтанной, не неправильной. Нарушение и изменение норм становится актуальными и уместными. Постсоветское время в России было турбулентным и происходили постоянные и быстрые изменения в политике и обществе, а аналогично тому и в языковой культуре. Во время правления Михаила Горбачева вступает в силу так называемая *гласность* (открытость, прозрачность, свобода средств массовой информации), благодаря которой стало возможным поставить под сомнение смысл идеологически заряженных слов из прошлой эпохи.

Лунде и Роесен перечисляют последствия этих политических изменений в языке – границы между различными сферами речи, прочно фиксированные по официальной регламентации в советский период, были серьезно ослаблены; отмена цензуры привела к стилистическому и лексическому разнообразию. Эти изменения также поддержали и переход с преимущественно письменной языковой культуры, находящейся под контролем государства, на более открытое и спонтанное непредсказуемое публичное выступление. Лунде и Роесен также обращают внимание на сильный приток новых заимствований: процесс

заимсвования особенно широко охватил нестандартные варианты русского языка, такие как жаргон, сленг или вульгарный язык (мат) (Лунде и Роесен 2006: 8).

На изучение субстандартных форм языка, как Букалов пишет в своей статье „Особенности функционирования русского общего сленга в современной прозе“, „был наложен негласный запрет“ (Букалов 2006: 167). Букалов пишет, что лингвисты и исследователи до 50-60-х гг. XX в. никогда активно не занимались изучением таких нестандартных форм языка, как арго, жаргон, сленг. Начало интереса к субстандартной лексике было вызвано влиянием элементов тюремного и лагерного сленга и языка молодежи, т.е. таких субкультур, как, например, хиппи, стиляг, любителей разных направлений музыки. Букалов также говорит, что в это время все чаще употреблялся термин „сленг“, но исследователи с самого начала употребляли его с осторожностью. Границы понимания этого термина с самого начала его употребления были неясны. Это было время перемен и общего чувства свободы, а вербальное разнообразие и спонтанная речь с удовольствием встречались в языке, терялись границы, определявшие „приемлемый язык“ и возникла потребность для установления новых норм языка.

В 80-90-е годы XX века русский литературный язык испытал сильнейшее влияние жаргона и сленга. Это влияние выражалось через публицистику, теле- и радиоэфир, художественную литературу, а больше всего, через устно-разговорную форму. Переход с грамотного и шаблонного новояза на новую смесь привел к парадоксальном результату – стало больше ошибок, но люди в целом стали говорить лучше и коммуникация стала гораздо интереснее и персонализированнее. Хотя тому, кто привык говорить только „по новоязу“, переход был не так легко переодолим. Поспелова эту тему связывает с политиками: „почти каждый может выступать публично, а некоторые еще и обязаны. (...) «Языковые портреты» политиков стали обязательной частью их образа, инструментом в политических кампаниях и даже объектом пародирования“ (Поспелова 2017). Персонализация и индивидуальность коммуникации сыграли важную роль в публичной речи. Почему это важно для общего социального климата в русском языке? Как уже было упомянуто,

индивидуальных различий в речи стало больше, что сократило социальную стратификацию на минимум. Надо подчеркнуть, что не индивидуализация языка повлияла на повышение неграмотности, а неграмотность просто стала публичной и при этом более заметной. Как результат этих явлений в языке и совмещения разнородных элементов и форм языка, русский язык стал более разнообразным.

Язык, как достоверный индикатор нынешнего состояния общества, развивался параллельно и в том же направлении как и общество, охватывая актуальные темы и явления. Именно так в 90-е годы язык, как и общество в целом, стал более „криминальным“. Это стало заметно, потому что все слои общества стали пользоваться „новой“ лексикой, а не как раньше, когда изменения в лексике касались только определенных слоев или групп. В девяностые годы традиционный, полностью нелегальный криминал был заменен на полулегальный криминал, а результатом этого процесса стало и расширение сферы использования уголовного сленга и распространение просторечия.

Мы сейчас живем в эпоху заимствования, новых речевых жаргонов, в безграничном времени глобализации. Место для заимствования всегда найдется в новых областях, где еще не созданы русские термины. Самые известные примеры этого – вычислительная техника или современная экономика, где заимствованные слова приходят в русский (или какой-либо другой) язык в большинстве случаев из английского языка. Русский язык, как и остальные мировые языки, в ситуации отсутствия слова, описывающего новое понятие, чаще заимствует слово из другого языка, чем создает его из уже существующих средств. Количество заимствований на сегодняшний день в любом языке большое. Также в настоящее время сильно развито информационное обеспечение и существует прямой контакт с остальными мировыми культурами, помощью которых люди стремится самореализироваться и развиваться. Благодаря этому, люди создают и актуализируют в своем словарном запасе слова из сферы технологий, мировых событий и мировой культуры, экономики и т. п. Все, с чем сталкивается человек, находит место и в его языке. В журналах, телевизионных передачах и газетах мы находим заимствованные слова, слова сниженого регистра, т.е. сленговые

единицы, а появление таких единиц способствует популяризации определенного явления. Таким образом, сленг находит свое место в лексиконе всех возрастных групп и влияет на языковую норму.

3. Важность и роль сленга

Язык социален по своей природе и то, что язык является главным средством общения между людьми, дает ему безмерную социальную важность и влияет на ход его развития. В русском языке социолингвистический анализ и подход стали актуальными в значительной степени благодаря развитию яркого социолингвистического пласта языка – сленга. Эрик Партридж сленг и жаргон описывает как „бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде“ (цит. по Мизюрина 2013: 109). В разных дефинициях сленга постоянно подчеркивается его общественный и социальный аспект. Для социолингвистики язык важен в его социальном контексте. Исследователи обращают внимание не только на сам язык и его устройство, но одновременно и на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество, и какие люди пользуются каким вариантом языка. При этом важно учитывать разные характеристики пользователей того или иного варианта языка, так как выбранным вариантом языка выражаются социальные, классовые, профессиональные и иные различия: использование в зависимости от возраста говорящего, его профессии, пола, национальности, уровня образования и культуры. Посредством языка можно анализировать социальные процессы, функции языка, роль языка в собственной и массовой коммуникации, можно идентифицировать диалекты, тайные языки, жаргон, сленг и делать их анализ. Подчеркивая важность социолингвистики и понимания языковых вариантов и слоев, Байков дал следующий пример: „знание социологии языка важно для овладения искусством общения государственного и муниципального служащего с различными слоями населения“ (Байков 2006: 6).

Определим четко социолингвистику (социологию языка): „Социология языка – специальная социологическая отрасль, которая изучает взаимосвязь общества и языка, его социальные функции, роль, языковые различия как отражение социальной структуры и стратификации, корреляции между языковыми средствами и социальными статусами, ролями и т. д.“ (Байков 2006: 6). На рубеже двух наук в XX столетии возникло особое направление в языкознании – социолингвистика. В социолингвистических исследованиях исследователи занимаются не только самим языком и его внутренним устройством, а внимание больше обращается на то как языком пользуются люди, которые являются частью определенной группы или общества. Исследователи учитывают связь между пользователем языка и его возрастом, национальностью, полом, профессией, уровнем образования, уровнем культуры.

3.1. Сленг в повседневной жизни

Перечисляя ситуации, в которых проявляется важность сленга в языке, можно разделить их на ситуации из повседневной жизни и на использование сленга в литературе. Нужно подчеркнуть, что эти две сферы не эксклюзивные, а наоборот взаимозависимые.

Начнем, во-первых, со сленгом в СМИ. Мы постоянно окружены сленгом из-за его роли в средствах массовой информации. Сленг долгое время считался табу темой и не присутствовал на телевидении и в газетах и журналах в такой степени, а в настоящее время роль сленга в средствах массовой информации значительно возросла. Как пример приведем некоторые слова, взятые из научной работы О. А. Бондаренко: „Чтобы быть ближе и понятнее молодому читателю, многие печатные и веб-журналы вводят в оборот слова из молодежного сленга: *круто*, *прикол*, *туса*, *клево* и др.“ (Бондаренко 2013: 204). Телевизионные передачи, кино, телешоу, современные журналы и газеты очень часто пользуются сленгизмами. Результаты частотного анализа употребления сленгизмов в различных видах СМИ

показывает, а это уже можно подтвердить и на собственном опыте, что нет такого издания, на страницах которого не появляется сленговая лексика и фразеология. Сленг в этой области важен, чтобы читатели чем лучше поняли информации, передаваемые им через СМИ и чтобы в конце поняли, что происходит в окружающей среде и в мире. Трудно представить современные журналы и кино без слов как:

> „*фэн, фан, фен* (поклонник); *балдеть, оттягиваться, колбаситься* (развлекаться, веселиться, отдыхать); *фишка-фенечка* (особенность); *качок* (сильный физически, накачанный); *махаться, гаситься* (драться); *прикол, приколоться, прикольный, приколист* (шутка, пошутить, забавный, шутник); *блин* (восклицание, заменяющее непристойную брань); *металлист* (поклонник или исполнитель рок-музыки в стиле хеви-металл), *бабки* (деньги), *байк* (мотоцикл), *баксы* и др.“ (Бондаренко 2013: 204).

Сленг нужен в повседневной жизни, потому что помогает людям построить отношения между собой. Общеизвестно, что на основе выбора лексики слушающий делает разные выводы о говорящем. Сленг может помочь в сближении, сопереживании и понимании между говорящим и слушающим, а точно также может и препятствовать и мешать. Уже было упомянуто, что сленг указывает на социальную принадлежность человека или группы людей и если слушающий оценит, что говорящий умеет пользоваться сленгом также, как и он сам, шансы на допуск к группе слушащего резко увеличиваются, т.е. близость между говорящим и слушающим становится прочней. Сленг способствует более быстрому установлению неформальных контактов, потому что сленговой лексикой можно более интимно выразить свои интересы, взгляды и потребности. Внимание слушающего привлекает и высокая экспрессивность, экономичность и оценочность сленга, что в результате способствует более быстрому установлению контакта.

Люди сленгом пользуются в ежедневных ситуациях также и потому, что это модно. Фактор моды играет важную роль среди всех возрастных групп. Стандартными способами и средствами коммуникации люди не могли бы выразить себя в полной мере. Важность сленга в коммуникации и ассимиляции доказывает и существование таких веб-сайтов, как „Криветизатор“, в котором

главным аргументом в пользу существования сайта служит вводная фраза: „Девушки! Вы слишком грамотно пишете, чтобы общаться с парнями в интернете? Криветизатор Вам поможет – пишите в верхнем окне и забирайте перевод внизу...“ (Криветизатор, 2017).

Роль сленга и та, что он поддерживает и призывает коммуникацию, дает языку диалогичность. Может быть, что каждый язык кажется сам собой диалогичным, потому что диалог является главной целью языка, но сравним сленг с литературным языком. В России, как и в мире, до примерно 60-х годов прошлого века язык был нормативным, а норма воспринималась как запрет: „В 60-80-е годы 20 века литературные произведения и радиопередачи действительно могли служить образцом нормативного употребления. На сегодняшний день ситуация изменилась. Не всякое литературное произведение и не всякая передача по радио и телевидению могут служить в качестве образца нормативного употребления языка“ (Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А., 2016). Норма отделяла допустимое от непригодного. В настоящее время, например, это изменилось, норма – это выбор. Это приводит к диалогичности языка, так как носители языка не так строго придерживаются правил, а пользуются лексикой спонтанно и свободно. Языковые нормы все еще существуют, конечно, но на первом месте ставится функциональность языка. Что касается именно русского языка, многое с того времени изменилось, во-первых, то, что цензура больше не существует, ни в неформальной, а ни в официальной обстановке (кроме запрета использования мата на телевидении). Диалогичность языка на первом месте, а граница между официальным и неофициальным языком стала более подвижной.

Хотя цензура в основе исчезла из русского языка, сленг, несмотря на то, может выполнять цензурную функцию. Примеры такого употребления сленга находим в использовании англицизмов, т.е. английских ругательств в русском языке. Например, такие слова, как *shit, bastard, fuck off, mother fucker*, которые часто можно услышать с экранов телевизоров, звучат „мягче“ и „более культурно“, если употребляются на английском языке. К тому же, не все понимают значение этих фраз, если они употребляются на непонятном языке. Кодирование таких слов,

которые в своей начальной форме известны всем, важная функция сленга. Таким образом ограничивается круг участников в коммуникации.

Сленг важен и потому, что является показателем развития, особенно молодежный сленг. Он является наиболее активным слоем языка, так что служит хорошим индикатором тенденции развития, а также и результатом развития. Молодежь – социально наиболее перспективный слой общества и речевое поведение молодых людей направлено на развитие. Их речевое поведение также влияет и на другие социальные подсистемы языка – больше всего на разговорную речь, но и на литературный язык тоже. Молодежный сленг показывает не только уровень развития, интересы, вкусы, но и потребности его пользователей.

Словари сленга – самый хороший показатель его диахронического развития и не только развития языка, но и общества: „Интересны как документ времени, определенное свидетельство и языкового вкуса эпохи, и социально-психологических процессов, порожденных внеязыковыми обстоятельствами“ (Поспелова 2017). Сленг отражает процесс развития культуры народа, фиксирует и потом передает от поколения к поколению определенные культурные особенности вместе с культурными стереотипами. При встрече с сленгом, молодые люди воспринимают и строят культурное и национальное самосознание. В языке фиксируются именно те выражения, которые подходят культурно-национальным стереотипам и нормам. При употреблении в речи, эти сленговые выражения воспроизводят характер и отражают менталитет, свойственный для того или иного язычного и культурного общества. Такое самосознание важно в контакте с остальными мировыми культурами и языками. Учитывая все вышеперечисленное, можно сказать что важность сленга и в том, что он отражает языковую картину мира.

Э. Партридж в одном списке собрал пятнадцать случаев, в которых люди пользуются жаргоном/сленгом и которые доказывают, что жаргон/сленг важен и нужен в каждом языке:

1. „в веселом расположении духа, молодой по возрасту или по состоянию души, ради забавы или ради удовольствия;

2. желающий поупражняться в остроумии, оригинальности, продемонстрировать необычное чувство юмора;
3. чтобы быть не похожим на других, поразить новизной выражения;
4. живописно, красочно, сочно высказаться, дать либо положительную, либо отрицательную оценку, избежав скучных, надоевших шаблонов;
5. безошибочно привлечь к себе внимание, даже поразить;
6. уйти от клише, выразить свои мысли в сжатой, концентрированной энергичной форме;
7. обогатить язык (такая цель редко ставится кем-либо преднамеренно, кроме хорошо образованных людей; исключением является «кокни»; такие сленгизмы рождаются не спонтанно, но как плод раздумий, литературных усилий);
8. придать весомость, основательность, конкретность абстрактной мысли, приземленность идеальному концепту, непосредственность и безотлагательность отдаленной перспективе;
9. либо приглушить остроту, либо, наоборот, подчеркнуть, усилить эффект отказа, отклонения, неприятия, отречения; снизить пафосность или вообще избавиться от помпезности, излишней серьезности в разговоре или на письме; смягчить трагедию, облегчить или приукрасить мысль о неизбежности смерти, перефразировать идею сумасшествия, замаскировать уродство или выразить сочувствие по поводу переживаемого позора (например, от предательства, неблагодарности) и таким образом помочь собеседнику вынести все и „держаться“;
10. найти нужный тон с подчиненными или польстить начальнику, установить непринужденный контакт с аудиторией или в доступной форме изложить суть дела;
11. создать более легкую атмосферу общения, дружеских встреч;
12. стимулировать установление глубоких долгосрочных дружеских или интимных отношений;
13. показать, что говорящий разделяет определенное направление, входит в некий коллектив, объединенный общим родом занятий, профессией, принадлежит к артистической или интеллектуальной среде; короче, обозначить, что говорящий „в курсе дела“, „свой“, и таким образом установить контакт;
14. и в связи с этим, наоборот, показать или доказать, что кто-то не „в курсе дела“, не принадлежит к „своим“;
15. чтобы не быть понятыми другими, не принадлежащими к данной группе, но присутствующими при разговоре (это чаще всего дети, студенты, влюбленные, члены политической организации, криминальные элементы в
    тюрьме или на свободе и др.) [12. С. 176]“ (цит. по Мизюрина 2013: 110).

Партридж обратил внимание на важность юмористической характеристики жаргона/сленга. Одной из отличительных храктеристик сленга, как уже было упомянуто, является экспрессивность, особенно шутливость. В работе Дьякова

как пример приведены русские переделки названий: „Сегодня ужастик с Федей Крюковым (Фредди Крюгер), подгребай вечерком! ... Рок-группа Uriah Hip превращается в речи подростков в Юру Архипова или в Юра Охрип, группа Prodigy заменяется омофоничными русскими словами Попридержи, Пролежни, Ace of Base – Бей об фейс, Bon Jovi-Бомжи, Joy-Жуй и т.д.“ (Дьяков 2001: 105). Дьяков замечает, что все эти названия, „помимо номинативной функции, выполняют и эмоционально-экспрессивную и социально-маркирующую функцию“ (106).

Дьяков также подчеркивает важность контактно-устанавливающей функции сленга. В этом помогают мимика и жесты, которые часто заимствуются из американской практики поведения. Употребляются междометия, частицы и слова, которыми выражается эмоциональное отношение говорящего к обсуждаемой теме. “Восклицание *wow*, утвердительная частица *yes* с характерным жестом, заимствуются также стандартные формы общения и междометия, например, *ол райт*, *бай-бай*, *биг дил*, *вери вел*, *ауч*, *упс*, *о'кей*, *хай*, *хаюшки*(приветик), *сорри*, *гуд бай*„ (Дьяков 2001: 165). Э. Партридж перечислил пятнадцать случаев, в которых используется сленговая лексика, а Дьяков перечисляет функции сленга: „номинативная, контактоустанавливающая, эвфемическая, цензурная, компрессивная, заместительная, экспрессивная и социально-маркирующая“ (Дьяков 2001: 173).

Сленговые выражения направлены не столько на объективное описание мира, сколько на его субъективную интерпретацию, оценивание и выражение своего отношения к теме разговора. Сленгом обозначается психическое и физическое состояние субъекта, его поведение, обращение к окружающем миру, оценка предметов и явлений, отношение между субъектом и остальными людьми.

3.2. Сленг в литературе

Сленг является важным и для литературы. С того времени как субстандартная лексика стала чаще использоваться в повседневной жизни, журналистике, в СМИ, в речи образованных людей, она стала появляться и в искусстве, в том числе и в литературе. Субстандартная лексика стала актуальной в литературном мире, а особенно в современной прозе. Субстандартную лексику, т.е. сленг, активно используют такие писатели, как А.А. Донцова (Дарья Донцова), С.С. Минаев, Т.Н. Толстая, М.А. Алексеева (Александра Маринина), В.О. Пелевин, Г.Ш. Чхартишвили (Борис Акунин) и другие. Авторов современной прозы привлекает новизна сленга, его стилистический потенциал и экспрессивность. При помощи сленга писатели наконец-то могут максимально точно описать и дать читателю речевую характеристику персонажа, передать разные эмоции, создать игру слов – короче, приблизить текст к читателям.

В литературе наиболее заметны перемены, которые происходили в русском языке, больше всего то, как язык изменялся параллельно с политической ситуацией. Изменения в языке намного изменили и характеристики, которые традиционно определяли художественную литературу. Благодаря современным писателям, литература изменилась в области нарративности и эстетики, часто следуя за разными течениями и литературными движениями, к которым авторы присоединялись. Ситуация также комплексна и в случае поэзии. Поэзия с течением времени слова пробует, потом конкретизирует и контекстуализирует. Такая адаптивность поэзии делает ее плодотворным словарем лингвистических перемен. Литература, в том числе, и поэзия и проза, бросают вызов языковым нормам и стандартному языку.

Т.А. Ломтева в своей диссертации „Нестандартная лексика в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале языка романов С.Кинга)“ указывает на то, что работы ученых, которые занимаются исследованием нестандартной лексики, недостаточно обращают внимание на функциональную роль этого пласта лексики, особенно в литературе. Ломтева утверждает, что субстандартная лексика в

литературных произведениях представляет особый социокультурный феномен и поэтому выражает недовольство таким положением субстандартной лексики: „(...) вопросы определния функций, выполняемых нестандартными лексическими единицами в живой речи, и проблемы изучения полиглоссии членов одного социума, находящие отражение в художественной речи, не нашли полного отражения в работах современных лингвистов“ (Ломтева 2005: 6). Проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся субстандартной лексикой, появляются и в анализе сленга в литературе. Ломтева их еще раз перечисляет: „отсутствие единства мнений в определении лексики, формулирующей субстандартный язык, неоднозначность существующих дефиниций этого пласта, разноплановость в определении функций нестандартных лексических единиц в речи и недостаточная разработанность специфики их функционирования в плане экспликации речевого поведения персонажей в художественном тексте“ (Ломтева 2005: 6). Мы перечислим только некоторые из причин употребления сленга в художественной литературе.

Сленг в произведениях современной художественной литературы безмерно важен с точки зрения стилистики, потому что сленговые единицы содержат широкий стилистический потенциал. Сленг долго не употреблялся в литературе, так как литература считалась высокой и недостижимой, а сленг неуместным. Сегодня сленг употребляется в литературе и обогащает язык, давая ему бесчисленное количество стилистических нюансов. Отношение стилистики к сленгу является положительным, потому что стилистика считает сленг необходимой частью языковой системы – сленг используется для создания эффекта новизны, необычности, отличия от стандартных образов, для передачи чувств и намерений говорящего, для конкретности, живости, яркости, точности, краткости, выразительности, для избежания повторений и клише. Кроме перечисленных функций, сленг может еще „выполнять парольную функцию, способствовать достижению комического эффекта, быть приметой эпохи“ (Хабибуллина 2010: 763). Для того, чтобы сохранить свою эффективность, сленг должен и в прозе и в поэзии использоваться осмысленно, тактически и появляться в малых дозах. Писатели также осторожно пользуются сленгом и потому, что

уместность употребления субстандартных элементов в художественной литературе все еще обсуждается. Для того, чтобы свести дискуссию к минимуму, надо выделить функцию таких единиц в произведениях и определить цель их включения в язык художественной литературы. Любое включение сленга в художественный текст должно быть оправдано – писатель не должен потворствовать современным тенденциям. Когда автор в художественнном произведении употребляет сленгизм в целях речевой характеризации персонажа и когда это делает с тактом и эстетически и стилистически мотивировано, это не вызовет никакого сопротивления.

Есть много причин употребления сленга в современной литературе, разделяют их иногда на экстралингвистические и интралингвистические. В начале употребления сленга в литературе, одним из важнейших мотивов была демократизация и либерализация общества, таким образом и языка и литературы. После отмены тематической и лингвистической цензуры, употребление разных языковых средств, в том числе и сленга, процветает. Сленг становится неотъемлемым компонентом современной художественной литературы, делает ее более эмоциональной, близкой читателям. Что касается экстралингвистических причин, в нынешние времена мода как фактор использования сленга в литературе играет большую роль. Букалов в этом контексте употребляет термин „престижность“, что на первый взгляд несовместимо со сленгом, являющимся частью низкого стиля. Термин в таком контексте относится к престижным пользователям: „К нему прибегают не только простые люди и представители определённых узких социальных групп, но 'социальная элита': от университетских профессоров до премьер-министров и президентов“ (Букалов 2006: 168). Если уже сленг в литературе популяризируется, тогда можно его использовать и в коммерческих целях, точнее, в виде коммерциализации литературного „продукта“. Это может быть не настолько важно самому писателю насколько издателям литературного продукта.

Сленг ярко и успешно передает различные эмоциональные оттенки. Нередко бывает так, что в литературном языке отсутствует подходящий эквивалент

сленгового слова, потому что сленговое слово семантически более емко выражает описываемое явление. Используя сленг, автор достигает желаемую и точную характеризацию персонажа, объекта или явления. Автор читателю может передать характер персонажа через прямую речь персонажа или в косвенной форме: „Делается это не только при помощи описательных средств, но и через речевую характеристику персонажа в прямой и несобственно-прямой речи“ (Букалов 2006: 169). Автор посредством сленга передает эмоции персонажей и их экспрессию, которые часто зависят от социальной принадлежности персонажа. Социальная дифференциация проявляется в современной прозе особенно ярко, потому что она отражает современное многослойное общество, несмотря на то, что в художественной литературе описывается чаще всего вымышленный мир. Речевая характеристика указывает на социальный статус – социальный статус дает признаки, которые дальше характеризируют персонаж: „Статус включает в свой состав такие компоненты, как образование, воспитание, профессия, мировоззрение, религия, положение в обществе и др. От статуса напрямую зависит речевое поведение персонажа" (Букалов 2006: 169).

Как и в устной коммуникации, писатель использует сленг для того, чтобы указать на связь между персонажами, на близкие отношения, роль. Ролевые отношения, ситуация общения, постановка в целости – место, обстановка, настроение, общий эмоциональный фон можно донести до читателя через диалог и использование сленга. Также можем сказать, что сленговые единицы в художественных произведениях играют роль опознавательного знака – сленг используется для характеризации героев как положительных или отрицательных персонажей. Писатели обычно пользуются сниженной лексикой, чтобы представить героя как приземленного, доступного и близкого читателю, в то время как авторы детской литературы с помощью сниженной лексики описывают отрицательных героев (если, наоборот, в детской литературе субстандартной лексикой пользуются положительные персонажи, тогда сленг является средством создания образа персонажа, который сначала казался суровым и скрывал свою доброту за этой суровостью). Но, не только сленг влияет на литературу, а литература тоже оказывает влияние на восприятие стилистически маркированных

единиц: сленговые единицы с отрицательным значением, употребленные положительным персонажем, изменяются и приобретают положительную окраску, таким образом также способствуя индивидуализации персонажа.

В поэзии сленг встречается реже. Если в поэтическом произведении использовано сленговое выражение, то у него, скорее всего, чисто информационная цель.

3.2.1. Сленг в произведениях Виктора Пелевина

Как уже было сказано, сленговая, и вообще субстандартная лексика, часто появляется в произведениях современных русских авторов. Одним из них является Виктор Пелевин – известный русский писатель, который не боится скандализировать общественность, выражая свои нетрадиционные взгляды и мнения и разрушая таким образом границы в литературе. Мартин Паульсен в своей статье „Criticizing Pelevin’s Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin’s Novel Generation ‘P’.“ анализирует язык, которым пользовался Пелевин в романе „Generation 'П' “. Паульсен приходит к выводу, что литература имеет большое воздействие на определение языковых норм. Описывая различные подходы критиков романов Пелевина, он разделяет их на „функциональные“ и „нормативные“, а также дает четкое представление о сложности оценивания языка и обсуждения языковых норм в художественных произведениях (цит. по Лунде и Роесен 2006: 154). Учитывая упомянутое, употребление сленга в произведениях и романах Виктора Пелевина кажется совершенно логичным. Виктор Пелевин является одним из представителей российского постмодернизма и благодаря этому сфера его интересов неограничена, а объектом изображения являются разные явления. В постмодернизме нет четкого определения того, как должна выглядеть литература. Все средства произвольные и оправданные. Нет никаких особенно узнаваемых характеристик или обязательных и определенных атрибутов, но все еще есть некоторые черты, по которым можно определить постмодернизм – хаос пространства, отказ от рациональности, интертексты,

актуализация и диалогичность – а воплощению этих черт в значительной степени способствуют субстандартная лексика и сленг. Постмодернистские писатели подчеркивают, что используемый ими стиль является индивидуальным и принадлежащим только автору, т.е. постмодернизм опирается на новое и неповторимое. Называют такой стиль индивидуально-авторским, а яркий идиостиль считают главной отличительной характеристикой эпохи. Павловская и Зимина в своей статье пишут о стиле Виктора Пелевина: „Совмещение разговорного стиля, «новорусского» сленга с «чистым» литературным языком, а иногда даже научным слогом философского трактата также характерно для всего творчества В. Пелевина“ (Павловская и Зимина 2012: 3). Отличительным признаком языка Пелевина считается совмещение разговорного языка, прежде всего сленга, с языком „новых русских“, под которым подразумеваются варваризмы и мат. Пелевин в своих текстах смешивает „английское и русское, высокое и вульгарное, научное и сленговое, сложное и примитивное, вечное и одномоментное“ (Павловская и Зимина 2012: 4). Зимина продолжает:

> „В. Пелевин, как истинный постмодернист, никогда не чувствует себя стесненным в языковых средствах, он свободно пользуется всеми наличествующими стилистическими пластами – от «высоких» до самых маргинальных. Именно язык произведений В. Пелевина наиболее точно отражает сегодняшнюю языковую ситуацию, однако стилистика его текстов обусловлена отнюдь не легкостью восприятия, а орнаментальностью и интертекстуальностью“ (Павловская и Зимина 2012: 4).

Рассмотрим некоторые сленговые единицы, которые Пелевин использует в сборнике „Ананасная вода для прекрасной дамы“. Необходимо отметить, что в творчестве писателя реализуются все перечисленные ранее функции сленговых единиц, а доминирующими функциями являются функция идентифицирования, функция экспрессии и фукция выражения ярких эмоции.

Идентификационная функция сленга проявляется в том, что, используя в речи сленг, литературный герой подчеркивает свою принадлежность к определенной социальной группе, а также характеризует и того, о ком говорит:

1. „Поэтому, хоть изображаемый мной Левитан звучал совершенно естественно для моих родителей, приезжих из *Ма-а-асквы* он смешил до колик“ (Пелевин 2011: 9). „И я уверен, что даже с того света он не стал бы *акать*, как московский таксист“ (Пелевин 2011: 26). *Масква* – Пелевин специально пишет имя столицы через букву „а“ вместо „о“, как было бы правильно, указывая на аканье. Аканье – один из двух основных русских типов говора, характерный для южной части среднерусских говоров, особенно Москвы и Москвичей.
2. „Но все-таки противовес существовал, и *гопники* с гегемонами били меня не слишком часто (...)“ (Пелевин 2011: 10). *Гопник* – уличный хулиган, грабитель.
3. „(...) снова превратился в лысого еврейского *лузера*“ (Пелевин 2011: 14). *Лузер* – англицизм, означающий неудачника.
4. „*Паразиты*. (...) *Козлы* убогие... (...)“ (Пелевин 2011: 23). *Паразит*, *козел* – имена этих животных в сленговой лексике в большинстве случаев означают мерзкого человека.
5. „(...) был, как я понял из вскользь брошенной фразы , не просто *драг-дилером* ФСБ (...)“ (Пелевин 2011: 31). *Драг-диллер* – англицизм, означающий торговца наркотиками. Это не литературное слово и поэтому человека, которого идентифицирует, сразу приближает к чему-то ненормативному, отклоняющемуся.
6. „(...) Сигнал „тыкаем, *пацаны*“, как выражался Шмыга (...)“ (Пелевин 2011: 75). *Пацаны* – молодые люди, друзья.
7. „Поэтому, *пиндосы* тут совершенно не помеха, а даже наоборот“ (Пелевин 2011: 101). *Пиндосы* – в сленге это слово употребляется в значении «американцы».
8. „А *че* бы ему не петь, - думал я, подпевая“ (Пелевин 2011: 116). *Че* – что. Это слово может выполнять все три функции (идентификационную, экспрессивную и эмоциональную). В этом случае выполняет идентификационную, характеризуя говорящего как простого человека, пользующегося нелитературной формой слова „что“.

9. „Доза 25 гр. ("*пила*", "*спутник*", " *спутник* ", встречается редко)“ (Пелевин 2011: 208). *Пила/ спутник/ спутник* – доза 25г.; пользователь этих терминов хорошо разбирается в сленговых названиях наркотиков; говорящий использует это слово, чтобы показать, что он принадлежит к какому-то коллективу.
10. „*Порошка* не стало меньше. Его качество не ухудшилось (...)“ (Пелевин 2011: 204). *Порошок* – сленговое слово, означающее кокаин.
11. „Футляры от dvd использовались в качестве разделочных подставок при изготовлении т. н. "*дорожек*" (...)“ (Пелевин 2011: 210). *Дорожка* – разовая доза наркотика.

Кроме того, литературный герой, употребляя сленговую лексику, выражает свое отношение к окружающей действительности, выражает свое эмоциональное состояние, причем ему очень важно, чтобы слова были экспрессивные и точно передали то, что говорящий чувствует:

1. „Скажу только, что за российский паспорт *с меня содрали* непорядочно много денег (...)“ (Пелевин 2011: 13). *С меня содрали* (т.е. взяли много денег) – экспрессивная фраза, указывает на разочарование и критику, резкость и нечестность действия.
2. „Этот потасканный низкооплачиваемый субъект жил в съемной *хрущобе* у метро "Авиамоторная" (...)“ (Пелевин 2011: 14). *Хрущоба* – то же, что хрущёвка, но с отрицательными коннотациями. Субъект негативно относится к данному виду жилых домов.
3. „ ... на мне была сковывающая движения упряжь, подобие смирительной *рубахи* ...“ (Пелевин 2011: 18). *Рубаха* – то же, что рубашка. Речь идет о смирительной рубашке, поэтому автор использует сленгизм, чтобы добавить юморический эффект.
4. Будет им, *блять*, тринадцатая зарплата в твердой валюте“ (Пелевин 2011: 23) *блять* – эмоционально окрашенное слово, мат, имеющее разные значения – в данном случае интенсификатор гнева говорящего.

5. „Мотай на пейс и не думай *жрать* во время инструктажа...“ (Пелевин 2011: 27). *Жрать* – есть с жадностью. Субъект говорит агрессивно, с угрозой, поэтому использует грубый вариант слова есть.
6. „Видимо, помощник Шмыги решил сэкономить на артистах и наняли *по дешевке* одного (...)“ (Пелевин 2011: 51). *По дешевке* – дешево, почти бесплатно.
7. „Добросвет пишет, он научился приводит тебя в состояние "динамического богочеловека", *хуй его знает*, что это такое“ (Пелевин 2011: 65). *Хуй его знает* – мат, подчеркивает остальную часть фразы, в значении никто его не понимает, усиляет эффект равнодушия.
8. „Поговори минут пять, чтобы он размяк, а потом *съезжай с базара*“ (Пелевин 2011: 66). *Съежай с базара* – заканчивай разговор, грубый и резкий приказ.
9. „Если *просрешь* операцию, лично расстреляю *к ебеням* прямо в бочке с рассолом“ (Пелевин 2011: 80). *Просрать* – испортить, предать, грубо говоря; *к ебеням* – куда подальше, в очень далекое место, также грубо говоря, не важно где, важно что далеко.
10. „Или решать, что он прямо наверх деньги заносит, а сам *сидит на* трех процентах...“ (Пелевин 2011: 113). *Сидит на* – у него/нее есть много, куча, очень большое количество, сидит как король.
11. „Мою, блять, свободу ограничивают не *мусора*, которые раз в месяц приезжают сюда (...)“ (Пелевин 2011: 157). *Мусора* – полицейские, уничижительное название.
12. „ (...) вентилятор *ревет* как зимняя вьюга(...)“ (Пелевин 2011: 180). *Ревет* – звучит громко, тоже значит плакать громко. Экспрессивное слово, потому что создает определенную атмосферу.
13. „На-кос, жидовская *морда*, выкуси!“ (Пелевин 2011: 190). *Морда* – название за животную голову, но в сленге означает человеческую голову, унизительный признак.
14. „(...) по которой эта страна должна быть способна одновременно вести две больших *пиар*-войны на двух независимых информационных

фронтах (Пелевин 2011: 153). *Пиар* – связи с общественностью, но для эффекта престижа используется англицизм.

15. „Это, говорит, когда ты сам на грибах, а *телка* на МДМА“ (Пелевин 2011: 141). *Телка* – молодая женщина, девушка, название без уважении.
16. „Ведь кто-то из богатых соотечественников, нанюхавшись кокаина, вполне может проплатит Шмиге *крутые бабки* (...)“ (Пелевин 2011: 138). *Крутые бабки* – большая сумма денег; слово с сильной экспрессивной оценкой, указывает на большое количество денег, часто не заработано справедливым образом.

В произведениях Виктора Пелевина часто появляется и компьютерные сленгизмы (*гуглить*, *окошко поисковки* (Пелевин 2011: 166), *апдейты* (Пелевин 2011: 108), и т.д.), что показывает насыщенность сленга англицизмами, которая намного выше, чем, например, в учебных текстах по информатике. Для Пелевина также характерно использование иноязычных слов в нетранслитерированном виде, выражений, которые не переведены на русский язык, неассимилированных слов, таких как, например: *хайтековский* (Пелевин 2011: 42), *софт-дринк* (Пелевин 2011: 43), *йоу* (Пелевин 2011: 80), *oh fuck* (Пелевин 2011: 71) и других.

Исследование функций сленговой лексики, употребляемой в творчестве Виктора Пелевина, ее тематики, ненормативности, оценочности, эмоциональности, интенсивности и экспрессивности приводит к следующему выводу: употребление сленга в художественном тексте способствует стилизации текста в целом, а также и стилизации персонажей. С помощью сленга авторы могут точнее и глубже обрисовать персонажей. Сленг помогает показать характер и мировозрение персонажей, а если используется в речи писателя, то влияет и на читательское восприятие. Как было показано на примерах, сленг способствует созданию экспрессивности и эмоциональности текста. Анализ использования сленга в произведениях Пелевина основывается на материале всего 34 примеров, но в художественном тексте и не должно быть слишком много сленгизмов для того, чтобы они произвели желаемый эффект. Мастерство Пелевина заключается

не в количестве употребленных сленговых слов, а в уместности и стилистической оправданности их использования.

3.3. Важность сленга для иностранцев, изучающих русский язык

Как уже и было упомянуто в разделе, посвященном истории развития русского сленга, в последние 30 лет активно развиваются субстандартные пласты русского языка. Такому состоянию языка способствовало открытие государственных границ, что, также сняло и ограничения с языка. С того момента, как открылись государственные границы, открылась и возможность иностранцам изучать русский язык. Именно благодаря статусу русского языка как эксклюзивного и экзотического языка, который он имел из-за недоступности и закрытых границ, интерес к изучению русского языка растет день ото дня.

Сегодня уже ясно, что субстандартная лексика является очень важной частью любого языка. Можно сказать, что это особенно важно для иностранцев, изучающих русский язык. Для россиян, родным языком которых является русский, изучение и понимание сленга не представляет очень трудную задачу – им надо только немножко погрузиться в тему, чтобы приобрести какой-то контекст и понять суть разговора и коммуникации. Иностранцы, с другой стороны, не понимают эти нюансы языка автоматически. Им нужно обратить особое внимание и заниматься значением сленговых единиц, с которыми они обязательно будут сталкиваться в разговорной речи и неформальной коммуникации. Для иностранца очень важно понимать и активно пользоваться сленгом по тем же причинам, как и для носителя русского языка. С учетом всех этих причин, которые являются важными и для носителя русского языка, иностранцу, изучающему русский язык, тоже важно, чтобы в коммуникации и разговоре не было слышно и сильно заметно, что он/она на самом деле не носитель языка. Попадая в новую среду, иностранцы стремятся к взаимодействию, к установлению контакта с другими членами группы. Иностранцы впитывают правила и способы коммуникации на примере носителей

языка, поэтому взаимодействие между ними имеет большое значение. Сленг обеспечивает им чувство принадлежности, выражение эмоций, мышления, юмора, моды, оригинальности, стильности, продуктивности. Таким образом, сленг выполняет основную и самую главную функцию языка – коммуникативную функцию (социализация и адаптация).

4. Заключение

Сленг, бесспорно, является важной частью субстандартной лексики. Хотя раньше сленг в лингвистических кругах считали паразитом, сегодня в лингвистике он считается краской в палитре пользователя и активно вовлекается в лексикон. Занимаясь субстандартной лексикой и сленгом, мы все еще сталкиваемся с проблемой определения самого термина *сленг*. Границы между сленгом и остальными видами субстандартной лексики очень тонкие, произвольные и флексибильные, поэтому каждая интерпретация термина *сленг* считается только добавлением в уже существующую базу, а не окончательным и фиксированным определением. Принимая во внимание эти терминологические различия, необходимо, однако, иметь в виду и то, что в повседневном словоупотреблении (и даже в научной практике) они проводятся не всегда последовательно, к тому же и несколько по-разному в разных национальных традициях. В русской традиции термин *сленг* нередко используется как часть жаргона, а иногда означает и „общий жаргон“ или „общее просторечие“.

Сленг важен, как в повседневной жизни, так и в литературе. В обоих случаях он выполняет много функций (номинативную, социально-означающую, контактоустанавливающую, эвфемическую, цензурную, экспрессивную). Входя в литературный обиход, сленговые единицы нарушают культурную традицию, но не и языковую норму, а к тому и строят новую. Сленг также очень важен и для иностранцев, которые, изучив только литературный русский язык, не до конца поймут неофициальную, разговорную и неформальную коммуникацию. К тому

же, сленг и для них выполняет те же самые функции, т.е. в той же мере важен, как и для носителя языка. Если рассматривать язык как „живой организм“, увидим, что невозможно насильственно остановить те или иные процессы, в том числе и проникновение сленга в литературную лексику русского языка.

5. Библиография

Байков, Н. М. и И. В. Лаухина. 2006. *Молодежный сленг: опыт социолингвистического анализа*. Хабаровск: ГОУВПО "Тихоокеанский государственный университет".

Балыхина, Т.М., М.В. Лысякова, М.А. Рыбаков, *Русский язык и культура речи*. http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/6/rlang/rl5.html (2017-08-24).

Бондаренко, О.А. 2013. *Язык молодежных СМИ*. В: „Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Вып. № 3. Майкоп: Адыгейский государственный университет. 204.

Букалов, А. 2006. *Особенности функционирования русского общего сленга в современной прозе*. Киев: Министерство образования и науки Украины.

Дьяков, А. И. 2001. *Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет.

Дьячок, М.Т. 2005. *Русское просторечие как социолингвистическое явление*. Новосибирск: Материалы Шестой научной конференции. 167-169. http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-03a.htm (2017-01-02).

Комлев, Н.Г. 2006. *Словарь иностранных слов*. Москва: Эксмо-Пресс.

Криветизатор. http://www.russki-mat.net/krivetizator.php?l=РуЭн (2017-01-02).

Ломтева Т. А. 2005. *Нестандартная лексика в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале языка романов С. Кинга)*. Ставрополь: Ставропольский государственный университет.

Лунде, Ингунн и Тине Роесен. 2006. *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen: University of Bergen.

Мизюрина, Т. В. 2013. *Определение и общие характеристики понятия «сленг», Его роль в языке и культуре современной России*. В: „Вестник Челябинского государственного университета“. Челябинск: Челябинский государственный университет. 108.

Павловская, О. Е. и Н. Ю. Зимина. 2012. *Специфика орнаментального идиостиля постмодернизма (на примере романа В. Пелевина «Generation П»)*. Майкоп: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования „Адыгейский государственный университет“.

Пелевин, В. О. 2011. *Ананасная вода для прекрасной дамы*. Москва: Эксмо.

Поспелова, Т. Ю., *Сленг как явление в современной лингвистике*. http://lingvotech.com/sleng (2017-01-02).

Паульсен, Мартин. 2006. *Criticizing Pelevin's Language: The Language Question in the Reception of Viktor Pelevin's Novel Generation 'P'*. В: „Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia“. Bergen: University of Bergen. 143-158.

Хабибуллина, Е. В. 2010. *Субстандартная лексика в детской литературе*. Казань: Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.

6. Резюме:

Субстандартная лексика и сленг в русском языке

В данной работе рассматривается субстандартная лексика, точнее – *сленг*. В первой части уточняется определение понятия сленг и его отличие от других пластов субстандартной лексики. Особое внимание уделяется проблеме дефиниции сленга. Затем перечисляются главные подтипы сленга и дается краткий исторический обзор развития сленга в русском языке. Во второй части работы особое внимание уделяется важности сленга и его роли в разных сегментах: в повседневной жизни, в литературе (на примере произведений Виктора Пелевина) и, наконец, для иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: сленг, субстандартная лексика, социолингвистика, важность сленга, роль сленга, Виктор Пелевин, сленг для иностранцев.

7. Sažetak:

Nestandardni leksik i sleng u ruskom jeziku

Tema i fokus ovoga rada je nestandardni leksik, točnije sleng. U prvome dijelu rada nastoji se precizirati sama definicija pojma *sleng* kako bi ga bilo što lakše razlikovati od ostalih dijelova nestandarog leksika. Naglasak se, pri tome, stavlja na razne probleme koji se pojavljuju prilikom postavljanja definicije slenga. Nakon definicije pojma slijedi dioba na podtipove slenga i kratki povijesni presjek slenga u kontekstu ruskog jezika. U drugome dijelu rada pažnja je posvećenja važnosti i ulozi slenga u raznim segmentima, od svakodnevnog života, preko literature, s posebnim naglaskom na jezik u stvaralaštvu Viktora Pelevina, do važnosti i uloge slenga za one koji uče ruski jezik kao strani jezik.

Ključne riječi: sleng, nestandardni leksik, sociolingvistika, važnost slenga, uloga slenga, Viktor Pelevin, sleng za strance.

8. Summary:

Substandard lexicon and slang in the Russian language

The main topic of this paper is substandard lexicon, that is, slang. In the first part of the paper, a definition of the term slang is being specified and differentiated from other parts of substandard language, based on the specific characteristics of slang. While defining the term sleng, a great attention is being paid on the problem of giving the proper and clear definition of slang. Furthermore, the main subtypes of slang are being listed, and a short overview of slang in the context of Russian language is being given. In the second part of the paper, the main focus is on the importance and role of slang in different aspects: in everyday life, in literature (especially in Viktor Pelevin works), and, finally, the importance and role of slang for people learning Russian language as a foreign language.

Keywords: slang, substandard lexicon, sociolinguistics, the importance of slang, the role of slang, Viktor Pelevin, slang for foreigners.